

Секция «Востоковедение, африканистика»

Японские фильмы ужасов: страх в современной культуре Японии

Белковский Денис Николаевич

Студент

ИПВ, востоковедения и африканистики, Жуковский, Россия

E-mail: belkovsky.denis@yandex.ru

I. Страх в современной культуре Японии

1. Представления о религиозной нечистоте «кэгарэ».

Во многих современных японских фильмах ужасов можно заметить определённое влияние представлений о религиозной нечистоте кэгарэ. В частности, совершенно иным образом, чем в западном кино, обыгрывается тема проклятия – в фильмах j-horror проклятие принимает форму скорее некой болезни, которой можно заразиться от соприкосновения с чем-то заколдованным, нежели просто магического наказания за совершенное преступление. Эта теория отчасти подтверждается представленными в книге В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова «Японцы (этнопсихологические очерки)»[n2] наблюдениями о значительной роли обрядов очищения современной культуре Японии. Кроме того, для понимания проблемы очень важны рассуждения о сути кэгарэ и его тесной связи со злом, высказанные японским философом XIX в. Мотоори Норинага, представленным в книге «Истоки японских традиций» (Sources of Japanese Tradition. V.1.)[n5].

2. Теория страха перед войной и её последствиями. Страх, вызванный переломом в общественном сознании после периода Оккупации.

Несомненно, что война, её последствия, а так же резкий социальный и психологический перелом в период Оккупации оказали огромное влияние на всю японскую культуру и, в частности, на кинематограф того времени. Возможно, именно психологическая травма после бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки, поражения в войне и вынужденной капитуляции породили образы замученных женщин и детей, столь часто появляющиеся в фильмах ужасов. В основном, на эту теорию опирается специалист по азиатскому кинематографу Коллет Балмин (Collete Balmain), высказывая её в книге «Введение в японский кинематограф ужасов» (Introduction to Japanese horror film)[n4].

3. Страх перед новшествами, принесёнными эпохой модерна.

Страх перед всем новым, а потому неизвестным, свойственен любому человеку. Уже в эпоху Мэйдзи (1868 – 1912 гг.) японцам пришлось столкнуться с огромным количеством нововведений в повседневной жизни. То, как воспринимались эти нововведения, хорошо показано в статье Сергея Хильченко «Городские легенды в Японии эпохи Мэйдзи»[n9]. Однако наиболее «стрессовым» в этом отношении периодом оказалась вторая половина XX века. Возможно, именно поэтому во многих фильмах жанра j-horror можно увидеть в качестве источника зла различные технические приборы или новинки современности – кассеты, интернет, ячейки для хранения вещей и т.д.

II. Связь с традиционными представлениями о страхе

1. Во многих японских фильмах ужасов раннего периода можно увидеть явную связь с театральными традициями Но и Кабуки – именно из них приходит, например, образ Оива – призрака обманутой и преданной женщины, который позднее закрепляется во многих фильмах j-horror - его можно увидеть в фильмах «Звонок», «Проклятие», «Тёмные воды» и др. Да и сам образ призрака-юрэй – белые одежды, белое лицо, чёрные

волос, спадающие на лицо – взят из классических представлений театра Но. Общие представления о призраках-юрэй можно найти в статье А.Р.Садовой «Демону имени не называй. . .»[п8]. Кроме того, о значении некоторых символов, пришедших из традиций театрального искусства, говорится в книге японского кинокритика Садо Тадао «Мир Мидзогути Кэндзи»[п6] в главе, посвященной фильму «Рассказы луны в тумане».

2. Так же, в ранних фильмах жанра хоррор зачастую появляются персонажи японского фольклора. Так, в фильме «Семь чудес Хонсё» есть отсылка сразу к двум таким персонажам – хитрому оборотню тануки и ноппэрапо (чудовищу с фигурой человека но с гладким шаром вместо лица). В фильме «Чёрные кошки в бамбуковых зарослях» два главных персонажа – кошки-оборотни, а в уже упоминавшемся фильме «Угэцу моногатари» есть явная отсылка к сюжету сказки «Материнская любовь»[п1].

3. Так же, часто можно заметить и связь некоторых образов из фильмов хоррор с литературными персонажами. Например, достаточно часто встречается образ влюблённой женщины, превратившейся в призрака-юрэй. Образ этот можно увидеть в произведениях писателя эпохи Токугава Уэда Акинари[п3], а так же в классических пьесах театра Но. Возможно, это объясняется тем, в японском кинематографе 20-30-х гг. долгое время существовало чёткое разделение на «кино о современности» (гэндай-моно) и «историческое кино» (дзидай-гэки), и персонажи произведений исторического направления часто заимствовались из классической литературы. Кроме того, рассказы о страшном в целом пользуются большой популярностью в Японии до сих пор: из интервью с режиссёрами современных японских фильмов ужасов, приведённых в книге Васидзу Ёсиаки «Искусство создания фильмов ужасов»[п7], становится видно, что они оказали большое влияние на их творчество в частности и восприятие культуры страха в целом.

Литература

1. Золотая книга мифов, легенд и сказок Японии: Сборник. М.: ТЕРРА, 1996.
2. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки), М.: «ВиМ», 1996.
3. Уэда Акинари. Распутство змеи. Тысяча журавлей: Антология японской классической литературы VIII – XIX вв. СПб.: Азбука классика, 2004.
4. Collete Balmain. Introduction to Japanese Horror. Edinburgh: University Press, 2008.
5. Sources of Japanese Tradition. V.1, New York: Columbia university press, 1964.
6. Садо Тадао. Мидзогути Кэндзи-но сэкай. Токио: Хэйбонся, 2006
7. Васидзу Ёсиаки. Кё:фу-но эйгадзюцу. Токио: Кинэмадзюн, 2006
8. Садова А.Р. Демону имени не называй. . . (О коварных водяных, незадачливых страшилищах и домовых, которых никто никогда не видел). URL: http://serebrkniga.narod.ru/demonu_imeni_ne_nazivay.html (дата обращения 15.09.2010)
9. Сергей Хильченко. Городские легенды в Японии эпохи Мэйдзи. URL: <http://news.leit.ru/arc> (дата обращения 21.01.2011)